

ИЗЪ ДѢВРЕЙ РАСКОЛА ВЪ ЛОНО СВ. ЦЕРКВИ.

(Воспоминанія изъ жизни въ расколѣ).

Многіе и многіе изъ старообрядцевъ, услышавъ о присоединеніи къ православію жителей деревни Петропавловки Орскаго уѣзда, извѣстныхъ дотолѣ особою ревностью и приверженностью къ „старой вѣрѣ“, съ удивленіемъ спрашивали и спрашиваютъ: какія причины побудили Петропавловцевъ оставить старообрядство? Со времени присоединенія— 28 февраля 1892 г.—прошло уже десять лѣтъ. Думается—будетъ благовременно въ назиданіе многимъ изложить исторію обращенія въ лоно св. церкви Петропавловскихъ старообрядцевъ, къ которымъ принадлежалъ и я.

Деревня Петропавловка Орскаго уѣзда, Оренбургской губерніи, существуетъ съ 1863 года. Жители ея—крестьяне, выселившіеся изъ деревни Анновки того же уѣзда и поселившіеся среди горъ съ цѣлію укрыться, насколько возможно, подальше отъ прелести антихриста. Секта наша называлась пріемлющей священство, но бѣглыхъ поповъ гнушались, а управляли народомъ наставники-простеды, которые въ собраніяхъ внушали, что хотя священство необходимо, но въ нынѣшнее время негдѣ его взять. Петропавловцы были не потомственные раскольники, но будучи еще въ деревнѣ Анновкѣ, соблазнены какимъ-то проходящимъ инокомъ-хромымъ Игнатіемъ, проживавшимъ раньше въ Міясскихъ лѣсахъ. Немного потребовалось Игнатію, чтобы увлечь въ расколъ народъ, бывший дотолѣ православнымъ: онъ зналъ хорошо Псалтирь и, когда кого заставлялъ читать ее, то самъ, не смотря въ книгу, поправлялъ чтеца, когда тотъ ошибался, народъ же принималъ это за откровеніе Святаго Духа считалъ Игнатія богодухновеннымъ и потому слѣпо ему вѣрилъ и послѣдовалъ за нимъ. Первымъ наставникомъ у насъ былъ Николай Чигровъ, вторымъ Аонасій Мамыкинъ, впоследствии обратившійся въ православіе, они строго слѣдили за исповѣданіемъ пасомыми разныхъ заповѣдей. Главныя ихъ заповѣди были: не ѣсть съ православными; мужчинамъ не носить ситцевыхъ рубахъ, картузовъ; въ короткой одеждѣ въ часовню не ходить, женщинамъ не кронтъ платьевъ и круглыхъ (безъ клинцевъ) сарафановъ; не позволять молиться на иконы не только въ молитвенномъ домѣ, но и въ простой комнатѣ никоніанамъ—работни-

камъ; для иконъ имѣть каждому покрывало изъ полотна, а ежели на нихъ помолится православный, то хозяинъ обязанъ иконы нести въ рѣчку и тщательно смыть приставшую къ нимъ ересь отъ никоніанина; для православнаго работника ставить особую икону въ другой уголь; когда обѣдаютъ семейные и взойдетъ православный, то хозяинъ долженъ воспретить молиться, иначе брашна осквернятся, также и образа; ежели православный напьется или поѣстъ въ ихъ посудѣ, то ее разбить, а желѣзную или мѣдную употребить для поила скотинѣ или для православныхъ. Были случаи, что сходить православный въ баню раскольника и всю баню обмывали, считая ее оскверненной. Молиться съ православными, равно и съ старообрядцами не нашего толка воспрещалось строго; въ нечаянныхъ случаяхъ, ежели старообрядецъ перекреститъ лице и вмѣстѣ съ нимъ православный, то хотя бы самъ молящійся и не замѣтилъ этого, но усмотритъ другой и объяснить молящемуся, что онъ перекрестилъ лице вмѣстѣ съ еретикомъ, то такой старообрядецъ считался оскверненнымъ, его уже не принимали молиться и кушать съ собою, и онъ за неосторожность, какъ оглашенный, долженъ молиться и ѣсть одинъ. Прибывъ домой, немедленно идетъ къ настоятелю и, поклонившись ему, проситъ прощенія со словами: „прости Христа ради, я смѣшался“, и объясняетъ свою скверну. Послѣ того наставникъ велитъ положить началъ и даетъ кающемуся прощеніе. Ежели какой старообрядецъ волею потрапезовалъ вмѣстѣ съ какимъ-либо еретикомъ или испилъ хмѣльного, такового согрѣшившаго первый разъ, наказавъ мало, принимали въ общеніе, согрѣшившаго вторицею наставникъ отлучалъ, а уличеннаго въ томъ же въ третій разъ имѣли яко язычника и мытаря. Строго также запрещалось употреблять хмѣльное и ѣсть картофель, который считался дьявольнымъ твореніемъ, прелестью антихрисловою. Такія заповѣди были преподаны на соборѣ раскольниковъ въ деревнѣ Сарабили 32 старцевъ, собравшихся въ 1868 году, и теперь во многихъ селеніяхъ эти заповѣди соблюдаются строго.

Въ 1869 году избранъ былъ въ наставники по жребію Иванъ Ермолаевичъ Өоминъ. Өомину было тогда 30 лѣтъ; предложеніе, сдѣланное ему стариками быть наставникомъ, онъ долго не рѣшался принять, но послѣ многихъ слезныхъ прошеній

обратился къ собранію съ такой рѣчью: „Отцы и братія, благочестивые христіане!“ ежели угодно было Богу избрать меня недостойнаго и павшій жребій на меня показываетъ произволъ Божій, не по лѣтамъ моимъ возлагающій на меня неудобносімое бремя, то за ваши слезы и великую просьбу я не въ силахъ болѣе отказываться, но рѣшаюсь быть наставникомъ при слѣдующихъ условіяхъ: главное-нужно намъ найти человѣка, знающаго божественное писаніе, для разъясненія вопросовъ, тяготящихъ на душѣ моей о томъ, какъ я долженъ поступать со всѣми требами“. Собраніе охотно согласилось, не теряя времени отправить Ивана и Андрея Ѳоминыхъ въ пресловутыя мѣста древняго старообрядства, чтобы поискать тамъ человѣка, могущаго дать отвѣтъ на тревожившіе Ѳомина вопросы. Когда наши путешественники прибыли въ Златоустскій уѣздъ, здѣсь на разспросы ихъ встрѣчавшіеся старообрядцы всѣ показывали, какъ на знатока божественнаго писанія, на инока Гавріила, который проживалъ въ Міасскихъ заводахъ у купца Мышлянова. Съ нетерпѣніемъ жаждали наши посланные поскорѣе увидѣть инока Гавріила, считавшагося преемникомъ старообрядцевъ солонецкой киновіи. Вотъ, наконецъ, показались Міасскіе заводы, вотъ и мельница купца Мышлянова, у котораго паломники наши земно просили показать имъ келію Гавріила. Благосклонный къ расколу Мышляновъ не сталъ долго умолять себя, довелъ ихъ до келіи Гавріила, жившаго въ пяти верстахъ отъ его мельницы, въ лѣсу. Подойдя къ келіи, громко сотворили молитву и, получивъ отвѣтъ, вошли въ келію, положили три поклона св. иконамъ, потомъ, обратясь къ стоящему иноку въ черной рясѣ, поклонились въ землю три раза со словами; „прости Христа ради и благослови Христа ради на всякое дѣло благо, помолись о мнѣ Христа ради, св. отче.“ Принявъ со словами мира и любви нашихъ путешественниковъ, Гавріилъ попросилъ ихъ сѣсть и объяснить причину ихъ дальняго путешествія. Путники рассказали о своихъ нуждахъ, что они посланы отъ общества старообрядцевъ искать истиннаго благословенія. Не много было нужно словъ Гавріилу, чтобы привлечь къ себѣ нашихъ слушателей: уже одно черное одѣяніе Гавріила поразило ихъ душу, а скромность и простота обращенія довершили остальное. Гавріилу безъ особаго труда удалось увѣрить собесѣдниковъ въ своемъ

якобы преемственномъ отъ соловецкихъ монастырей, данномъ ему правѣ благословлять другихъ, которое якобы преподано ему отъ нѣкоего схимника Климента, въ свою очередь получившаго его отъ священноинока Іосифа, который будто бы получилъ рукоположеніе въ соловецкой киновіи и право преподавать благословеніе другимъ, во время патріарха Никона бѣжалъ изъ киновіи и поселился въ Міясскихъ лѣсахъ и, имѣя якобы чинъ священника, при смерти своей преподалъ благословеніе схимнику Клименту, а отъ сего получилъ благословеніе Гавріиль, Гавріиль рассказывалъ объ этомъ такъ: „Жили мы съ отцемъ Климентомъ въ скиту: онъ постригъ меня во образъ ангельскій, и когда заболѣлъ, сталъ близъ смерти, прислалъ за мной послушника. Когда я пришелъ и, принявъ благословеніе, по обычаю сѣлъ возлѣ него, услышалъ слѣдующія рѣчи: „вотъ что, отче Гавріиле, услыши, брате, что ти изреку“, вздохнулъ вельми и рече: „азъ вижу, что конецъ мнѣ приближися и хочу повѣдати и передать тебѣ, дабы не оскудѣла благодать соловецкой киновіи вконецъ; прими отъ меня благословеніе“; азъ же мнѣвъ, яко онъ бѣснуется, рекохъ: „отче Клименте! кое благословеніе глаголеши? ты мя постригъ въ ангельскій чинъ и въ схиму ли хочещи мя облещи“? Онъ же, возрѣвъ на мя, рече: „нѣсть тако, но прими отъ меня послѣднее благословеніе, которое я получилъ отъ священноинока Іосифа, заповѣдавшего мнѣ при смерти передать его, что и передаю тебѣ; нынѣ время антихристово, священство оскудѣло, церкви Христовой на землѣ нѣтъ, всюду нужды и непостоянство, всюду остатки христіанъ, ищущіе спасенія и неимѣющіе, гдѣ главы подклонити; будутъ приходятъ міряне къ тебѣ, какъ, ты видѣлъ, приходили ко мнѣ отъ многихъ мѣстъ, и ты, Гавріиле, благословляя ихъ моимъ благословеніемъ, по преемству отъ соловецкой киновіи древняго благочестія, передавай изъ рода въ родъ, поставляй имъ наставниковъ, чтобы пасли народъ, дабы не изсякла вконецъ вѣра древняго благочестія на землѣ, и даю тебѣ заповѣдь, отче Гавріиле, пока будешь существовать на земли, требующимъ поставляй наставниковъ въ міръ, не имѣя сомнѣнія, моимъ благословеніемъ. Богъ видитъ наши недостатки: не блазнись, что ты не священникъ и не имѣешь власти, но вѣрь словамъ Божиимъ: пріемый проповѣдника во имя проповѣдника пріиметь мзду проповѣд-

ничью, и пріемый пророка во имя пророче мзду пророчу пріиметь, тако и насъ: хотя я не священникъ, но привялъ благословеніе отъ священника, что и передаю тебѣ, а когда будешь къ концу, то передай, Гавріиле, мое благословеніе другимъ, какъ и я тебѣ: пусть не пресякнетъ благодать изъ рода въ родъ“. Когда Гавріилъ кончилъ разсказъ, наши посланники, обливаясь слезами, припали къ стопамъ его и усерднѣйше просили: „не оставь, отче Гавріиле, и насъ сирыхъ, но преподаждь и намъ недостойнымъ твое великое благословеніе“. Гавріилъ охотно соизволилъ; послѣ недѣльнаго поста и исповѣди началась церемонія: затепливъ свѣчу предъ иконой, онъ обратился къ посланнымъ и сказалъ: „Богъ благословитъ! кладите началъ.“ Когда Иванъ и Андрей Ѳомины исполнили это, то, упавъ въ землю, не вставая читали за Гавріиломъ молитву изъ Часослова на великомъ повечеріи: „прости мя, отче святыи, и благослови, елико согрѣшихъ во вся дни живота моего“. Прочитавъ и вставъ отъ земли, поклонились Гавріилу трижды въ землю, прося прощенія и благословенія. Этимъ моленіемъ кончено было и вмѣстѣ съ тѣмъ поставленіе наставникомъ Ивана Ѳомина и помощникомъ Андрея Ѳомина. Послѣ того они получили отъ Гавріила наставленіе,* какъ исправлять требы и были отпущены имъ восвояси. Теперь для нашихъ посланниковъ были рѣшены все недоумѣнные вопросы; они не спрашивали доказательства отъ Божественнаго писанія о томъ, гдѣ и когда было видно, чтобы престолецъ инокъ, самъ не имѣя ключей царства небеснаго, преподавалъ другимъ власть вязать и рѣшить.

*) Гавріилъ наставилъ нашихъ посланцевъ и касательно причащенія. Онъ во время свѣтлой седмицы совершалъ артосный хлѣбъ, который не разъ привозился въ нашу деревню Петропавловку фунтовъ по пяти высушенными сухарями, и въ великій постъ, въ субботу первой недѣли, послѣ исповѣди наставнику, достойные принимали такъ называемой великой воды и присланныхъ Гавріиломъ сухарей. Въ деревнѣ Петропавловкѣ, Покровкѣ и Ивановкѣ-Чукари приготавливаютъ воду накануне святаго Богоявленія такимъ образомъ: когда поютъ стихиры, положенныя въ праздничной Миनेѣ на освященіе воды, наставникъ беретъ графинъ съ водою, оставшеюся отъ прошлаго года, и начинаетъ выливать въ кадку изъ графина крестообразно, когда же кончаютъ пѣть въ третій разъ „Во Иорданѣ крещаемую“, выливаетъ остальную воду изъ графина, потомъ снова наливаетъ себѣ въ графинъ и бутылъ четвертую и блюдетъ ее, какъ святыню, до слѣдующаго года. Эта-то вода и называется великой. Также совершается освященіе воды и въ первый день августа; эта вода почитается меньше богоявленской. Послѣ освященія великой воды сначала пьетъ настоятель лжицею трижды, а потомъ подходятъ все; когда пьютъ воду, то поютъ пѣнды тропарь: „Во Иорданѣ“. Въ великій постъ эту воду, въ субботу первой недели,

Возвратившись въ деревню Петропавловку, Ѳомины были радостно встрѣчены своими. Немедленно собранъ былъ народъ, и нашими посланниками было рассказано, какъ ихъ Богъ сподобилъ принять благословеніе на требоисправление отъ инока Гавріила, якобы имѣющаго непрерывное благословеніе отъ соловецкихъ страдальцевъ. Съ умиленіемъ выслушавъ повѣствованіе, всѣ единогласно возблагодарили Бога, показавшаго имъ великаго мужа Гавріила. Съ того времени наставникъ Иванъ Ѳомиръ съ большою ревностью взялся исполнять возложенныя на него обязанности. Онъ также старался ввести уставное богослуженіе по примѣру другихъ старообрядцевъ и не разъ съ послушниками своими ѣздилъ для обученія уставу и пѣнію въ Сакмарскую станицу, близъ Оренбурга; постепенно приучены были мальчики для чтенія, и съ того времени нашъ наставникъ Ѳомиръ знаемъ сталъ всюду и за его ревность и тщаніе дѣломъ былъ высоко. По ревности Ѳомина устроена была часовня, заведены были старообрядческія школы, гдѣ мальчики обучались чтенію и пѣнію, ревнителями приобрѣтено много древнихъ книгъ: мой родитель привезъ изъ Уральска болѣе чѣмъ на 1000 руб. такихъ книгъ. По примѣру сакмарскихъ раскольниковъ, начали править уставную службу.

Въ 1877 г. прибыли къ намъ на жительство нашего согласія старообрядцы Самарской губерніи, которые также приобрѣли съ нами землю въ вѣчное владѣніе. Миръ и любовь царили среди насъ, только одно привезли Бузулудскіе собратья къ намъ въ Петропавловку не по праву нашимъ старичкамъ, — начали разрѣшать ѣсть картофель и употреблять хмѣльное питіе, которое готовяли сами-брагу, что нашимъ старичкамъ казалось богомерзкимъ. Деревня Петропавловка быстро увеличилась. Въ 1882 году по многочисленности народа избранъ былъ еще наставникъ приносить въ собраніе, и достойные причащаются этой воды, и когда ее пьютъ жидцей, то пьютъ „Тѣло Христова примите“ и считаютъ это за причастіе. Такъ поступаютъ и въ г. Оренбургѣ въ Анофріевскомъ согласіи, тоже и во многихъ мѣстахъ въ Уральскихъ предѣлахъ, а въ деревнѣ Покровкѣ наставникъ Левъ Гороховъ поступаетъ нѣсколько иначе: въ субботу первой недѣли поста поставляетъ двѣ воды-Богоявленскую, нарицаемую великой, и августовскую-малую; помолившись, обращается къ народу: „братіе, кто достоинъ, тотъ подходитъ къ великой водѣ, а кто недостойнъ, тотъ подходитъ къ малой“. Очевидно, оскудѣваетъ въ расколѣ благочестіе, потому что въ 1894 году въ Покровкѣ изъ всей паствы наставника Льва Горохова великой воды съелъ себя достойнымъ только одинъ Сидоръ Катановъ.

наставникъ — изъ пришельцевъ Бузулуцкихъ Леонъ Михайловъ Панкратовъ и также для поставленія посланъ былъ въ Міясскіе заводы къ иноку Гавріилу и тѣмъ же чиномъ поставленъ отъ Гавріила въ наставники, какъ и Ѳоминъ. Панкратовъ тоже сталъ у насъ исправлять требы, но Ѳомину онъ отдавалъ предпочтеніе, какъ старшему. Панкратовъ и нынѣ находится въ Петропавловкѣ раскольничьимъ наставникомъ.

Петропавловцы, получивши наставниковъ сказочнаго соловецкаго другопріемства, успокоились и думали, что на землѣ нѣтъ счастливѣе и благоустроеннѣе нашего прихода; только наставникъ Ѳоминъ внушалъ самообольщавшемуся народу, что всѣ должны безпокоиться день и ночь о томъ, чтобы найти истинное священство. Въ 1883 году былъ соборъ раскольниковъ, гдѣ и рѣшено было ѣхать искать благодатнаго священства на востокъ. Это путешествіе описано въ „Оренбургскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ,“ въ № 6 1892 года.

Жизнь старообрядцевъ нашего согласія не всегда текла безмятежно, — бывали и несогласія. Кромѣ Ивана Ѳомина въ числѣ раскольничьихъ наставниковъ выдавались: въ Оренбургѣ Андрей Ивановичъ Канболинъ, въ Троицкѣ Андрей Ивановичъ Шпагинъ, въ Уральскѣ Варсонофій Барышниковъ, сынъ его Анисимъ и внукъ Харлампій Анисимовъ. Упомянутые руководители раскола по временамъ собирали соборы для примиренія взаимныхъ раздоровъ, но къ сожалѣнію ни одного собора не проходило безъ ссоры. На эти соборы пріѣзжало очень много народа, для успокоенія своей совѣсти, и рѣшенія собора каждый старообрядецъ считалъ уже каноническимъ правиломъ. Свободно было рѣшать старообрядцамъ вопросы потому, что ни одинъ старообрядецъ никогда не спрашивалъ, на основаніи какого писанія дѣлается рѣшеніе, а какъ скажетъ наставникъ, то и свято. Ѳоминъ много рѣшалъ такихъ вопросовъ каждому вопрошающему, и молва о немъ распространилась далеко. Петропавловка не оставалась ни одного праздника безъ постороннихъ посѣтителей, которые, во 1-хъ, стекались къ Ѳомину за рѣшеніемъ разныхъ недоумѣній; во 2-хъ, каждый посѣтитель старался насладиться чтеніемъ и пѣніемъ при Богослуженіи, потому что Петропавловка славилась благолѣпнымъ служеніемъ въ часовнѣ, что у старообрядцевъ бываетъ

очень рѣдко. Самъ Ооминъ говорилъ народу не разъ, что онъ никогда не былъ и, надѣясь на Бога, не будетъ посрамленъ какими-либо еретиками, чтобы быть безотвѣтнымъ, и въ самомъ дѣлѣ онъ сильно доказывалъ австрійскимъ, поморцамъ и другимъ неправоту ихъ упованій, а о церкви православной даже и помышлять было излишнимъ: на церковь Христову злорѣчивыя уста были у всѣхъ открыты, равно и у наставника Оомина, который утверждалъ, что греко-россійская церковь—преемница всѣхъ ересей, а на эту порицательную ложь никто никогда не потребовалъ отъ Оомина доказательствъ отъ Писанія: народъ былъ такъ настроенъ, что сразу поднимались сотни голосовъ, наперерывъ высказывая другъ другу пороки за пастырями православными: одинъ говорилъ, что такіе-то священники пьянствуютъ, другой видѣлъ, что табакъ курятъ, третій, что скоромную пищу въ постъ употребляютъ; выходило, что никоніанскіе поны сплошь базаконники. Такіе взгляды на церковь православную руководители раскола подкрѣпляли разными злохуленіями на церковь Христову. Такъ, напримѣръ, изъясняя слово 105 Ефрема Сирина, что антихристъ вмѣсто креста Спасова свое дастъ знаменіе,—подъ словомъ знаменіе Христова разумѣли всѣ наставники осмиконечный крестъ и двухперстное сложеніе, тоже называемое старообрядцами крестомъ, а троеперстное сложеніе называли знаменіемъ антихриста. Бывало Ооминъ спросить у народа, что есть знаменіе Христова? и со всѣхъ сторонъ сотни людей, поднимая правую руку, двухперстно сложенную, говорятъ: „Это вотъ Христово крестное знаменіе, въ немъ всѣ таинства замыкаются Божества и человѣчества,“ а наставникъ прибавляетъ, что ни одна-де старая кнѣга не умолчала, чтобы не описать знаменія Христова; поднимая же лѣвую руку, сложенную троеперстно, кричатъ: „Это вотъ антихристово знаменіе-печать антихристова,“ а наставникъ начнетъ читать изъ Бол. Катихизиса главу 23, листъ 102: „Уже бо и нынѣ много видимъ, иже не приѣмлютъ на себя Христова креста знаменія, сирѣчь десницею своею узаконеннаго воображенія не возносятъ на чело главы своея, таже на животь, на правую и лѣвую раму; аще убо реченнаго сего Христова знаменія крестнаго не приѣмлютъ, то уже явѣ есть, еже имугъ на чело свое и на десную руку прияти печать антихристову.“ — „Вотъ какъ,

продолжаетъ наставникъ, — батюшка великій-то Катихизисъ намъ показалъ, какое антихристово знаменіе. Такъ-то! А то вы давеча говорили и руки показывали, да вѣдь этому мало нынче вѣрятъ, а тутъ вотъ прямо въ Большомъ Катихизисѣ сказано про знаменіе антихриста. — „Спаси тебя Христосъ!“ слышится со всѣхъ сторонъ благодарность наставнику.

— „Постойте-ка, братіе, стойте!“ говоритъ наставникъ: прочитайте изъ Катихизиса же листъ 7-й: „вопросъ: невозможно ли креститься всѣми персты или единымъ? Отвѣтъ: Ни, первое не преобразуетъ Святой Троицы, второе не преобразуетъ Божества и человѣчества.“ Вотъ, братіе, нельзя никакъ иначе креститься, какъ двумя перстами, такъ говоритъ святое писаніе, а у великороссійскихъ то все можно.

— „Правда, правда!“ слышится крикъ со всѣхъ сторонъ.

— „Прочитайте-ка, братіе, — продолжаетъ наставникъ, — изъ Катихизиса листъ 25: „вопросъ: чего ради въ послѣднее время людіе отъ вѣры отступятъ и къ ереси приступати имуть? Отвѣтъ: Трехъ ради вишь: 1, станетъ мерзость запустѣнія, реченная Даніиломъ пророкомъ, на мѣстѣ святѣ“... Да, братіе! время послѣднее — антихристово время. Вонъ Варсонофій Александровичъ поѣздилъ по бѣлу свѣту, спросите-ка его, — онъ былъ вездѣ, — много ли онъ находилъ истинныхъ то христіанъ?“

Варсонофій Барышниковъ начинаетъ повѣствовать о томъ, какъ онъ былъ командированъ уральцами на востокъ, какъ былъ въ Цареградѣ, въ Іерусалимѣ и тамъ не нашель благочестія, а вездѣ одно троеперстное сложеніе; затѣмъ Барышниковъ рассказываетъ, якобы онъ бесѣдовалъ съ патриархомъ Іерусалимскимъ, видѣлъ тамъ древнее на греческомъ діалектѣ пергаментное Евангеліе и въ немъ оттиснута среди страницы сложенная десница двуперстно, что доказываетъ древность двоеперстія. Далѣе Барышниковъ говоритъ, что якобы патриархъ, оборотя нѣсколько листовъ, нашель и показывалъ на полѣ, а не среди текста, троеперстное сложеніе, и я подумалъ, — сообщалъ Барышниковъ, — что это могло быть оттиснуто послѣ. „Да, братіе! какъ увидаль въ Іерусалимѣ, что тамъ знаменуются троеперстно, такъ все усердіе отъ меня и отпало. Всюду овладѣль проклятый антихристъ. Вонъ прочитайте-ка изъ Ефрема Сирина слово 105, что церкви Христовы какъ овощныя хранилища

будуть, восплачутся церкви Божіи плачемъ великимъ, потому что жертва не будетъ приноситься. Да, антихристъ теперь царствуетъ у никоніанъ, а нѣкоторые изъ нашей братіи невеличкіе ходять-посматриваютъ къ нимъ, да берутъ еще книжки еретическія, а въ Книгѣ о вѣрѣ что объ этомъ говорится? Прочитайте 3-й листъ на оборотѣ: „Аще обратиши книги еретическія, не моги ихъ почитати, да не наполнится душа твоя яда смертнаго.“ Умоляю васъ, братіе, не берите и не читайте книгъ еретическихъ, а то соблазнитесь и погибнете.“

— „Спаси тебя, Христось, за наставленіе,“ слышится благодареніе со всѣхъ сторонъ.

— „Богъ видитъ, братіе, — продолжаетъ наставникъ, — наши недостатки, Онъ Самъ восполнитъ ихъ, Господь сказалъ (читай въ Благовѣстникѣ, Еванг. отъ Луки зач. 67): „не бойся, малое Мое стадо, яко благоволи Отець дати вамъ царство.“ Когда священства нѣтъ, чтоже дѣлать? Можно и безъ него обойтись, какъ учитъ книга Кириллова, 10 посланіе. Здѣсь, братіе, видите, какъ восхваляютъ простецовъ, которые безъ священства“...

Такъ-то утверждали наставники свою паству въ заблужденіяхъ раскола и ненависти къ церкви Христовой, и трудно было проникнуть истинѣ въ непроевѣщенную массу, потому что книги православныя читать строго воспрещалось, также и вступать въ бесѣды съ никоніанами; если же когда и случалось послѣднее, то всѣми силами старался всякій старообрядецъ показывать видъ только, что слушаетъ бесѣду, а къ сердцу ее не принимать и послѣ-бесѣды поскорѣе ее забыть.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ИЗЪ ДѢБРЕЙ РАСКОЛА ВЪ ЛОНО СВ. ЦЕРКВИ.

(Воспоминанія изъ жизни въ расколѣ).

(Продолженіе).

Крѣпко ограждены были Петропавловскіе раскольники отъ проникновенія къ нимъ свѣта православія, а тѣмъ не менѣе онъ озарилъ и ихъ. Я былъ ярый приверженецъ раскола, излиха ревнитель отеческихъ преданій, сродникъ и любимецъ наставника Ивана Оомина. Ооминъ мнѣ родной дядя: онъ меня очень любилъ за мою приверженность къ часовнѣ и постоянно меня приглашалъ, когда у него были посѣтители изъ

разныхъ мѣстѣ, и мнѣ пришлось слышать всѣ сужденія нашихъ наставниковъ о разныхъ недоумѣнныхъ вопросахъ. Я былъ преданъ Оомину, его доказательства казались мнѣ неоспоримымъ и, и болѣе болѣе усвоивалъ его сужденія.

Въ 1883 году были у насъ бесѣды съ Уральцами, древняго благочестія не нашли, а раздоры между самими наставниками стали обнаруживаться рѣзче: Ооминь училъ, что антихристъ будетъ чувственный человѣкъ; съ Ооминымъ согласовались и Уральскіе Варсонофій Барышниковъ и Харлампій Анисимовъ, но Оренбургскіе, хотя и одного съ нами согласія, Андрей Канбулинъ и Андрей Шпагинъ надъ этимъ мнѣніемъ смѣялись, и когда однажды на бесѣдѣ въ Оренбургѣ было доказано Ооминымъ и Барышниковымъ, что антихристъ будетъ человѣкъ, то Шпагинъ съ Канбулинымъ вмѣсто того, чтобы сознать свое заблужденіе, стали укорять Барышникова въ житейскихъ порокахъ. Далѣ, бесѣда перешла на вопросъ объ общеніи съ еретиками и базарной снѣди. Когда бесѣдовали объ антихристѣ, то Барышниковъ съ Ооминымъ были въ единомъ духѣ, а бесѣда о базарѣ разъединила нашихъ главныхъ руководителей: Барышниковъ утверждалъ, что продаваемое на базарахъ еретиками есть идоложертвенное, въ подтвержденіе чего указывалъ на Толк. Апостоль лист. 824: „не можеше чашу Господню пити и чашу бѣсовску.“ Ооминь же и Канбулинъ доказывали, что торжище не есть жертва, приносимая идоламъ, хотя бы продавцы были и еретики, при чемъ ссылались на Толк. Апостола листы 443, 946, 220, 508, Никона Черногорца листы 185, 189, бесѣд. Апост. лист. 955: „все, еже на торжищѣ продаваемое, ядите ничтоже сумнящесе, Господня есть земля и исполненіе ея“ и далѣе Апост. Толк. листъ 501, 528 и др. Такъ какъ доказательство Оомина было сильнѣе, нежели Барышникова, то послѣдній, видя, что отъ Писанія побѣжденъ, началъ насмѣхаться и обратясь къ народу, говорилъ: „братіе, кто видѣлъ, что діаволь на торжищѣ продаетъ потребное?“ Изъ среды народа послышалось: „Никто.“ Послѣ того Барышниковъ снова сталъ говорить, что подъ чашей бѣсовской должно разумѣть еретическое, что жертва бѣсамъ есть вся пища еретическая, которая совершается безъ благословенія и молитвы по долгу христіанскому. Снова послышались народныя крики при-

верженцевъ Барышникова: „на базарѣ бѣсъ не торгуетъ, а замѣсто его еретики-слуги бѣсовскіе.“ Народъ шумѣлъ и не слушалъ Фомина и Канбулина, которые опровергали Барышникова. Далѣе перешли къ таинству крещенія: Фомины настаивалъ, что нужны воспріемники и воспріемницы для свидѣтельства крещенія и отреченія отъ сатаны, а Барышниковъ и Канбулинъ говорили, что воспріемники не нужны и что простецамъ должно совершать все просто. Такъ знаменитые путеводители раскола каждый по своему мнѣнію толковалъ Писаніе и не внималъ доказательствамъ собесѣдника, боясь предъ слушателями потерять свой авторитетъ. Барышниковъ, видя, что Канбулинъ перешелъ на его сторону, вмѣсто того, чтобы доказывать отъ Писанія, сталъ снова издѣваться надъ Фоминымъ, что онъ захватилъ не дарованное: простецу дано только крестить, а онъ, Фомины, ставитъ воспріемниковъ, течно также и браки нужно только благословлять, а Фомины велитъ необрачнымъ пріѣхать въ часовни и служить три молебна: Спасу, Богородицѣ и всѣмъ святымъ, читаетъ апостоль, евангеліе и поученіе изъ Потребника.

Тяжелое впечатлѣніе произвели эти споры нашихъ наставниковъ на нѣкоторыхъ изъ народа. Если бы во время бесѣды два наставника все время были противъ одного, тогда можно было думать, что послѣдній ошибается, а теперь что же вышло? Сначала Фомины съ Барышниковымъ былъ противъ Канбулина, потомъ Фомины перешелъ къ Канбулину противъ Барышникова, а затѣмъ Канбулинъ перешелъ къ Барышникову противъ Фомина. И вотъ во множествѣ собравшіеся изъ разныхъ мѣстъ старообрядцы одного согласія для рѣшенія разныхъ вопросовъ въ союзѣ мира и любви, увидѣли распю и брань между наставниками. До бесѣды Петропавловка была въ единомыслии, но съ этого времени и у насъ пошли раздоры: часть, именно выше упомянутые выходцы изъ Бузулука начали склонять остальныхъ Петропавловцевъ, чтобы послушали Барышникова и не сквернились базаромъ, на что нѣкоторые ревнителю охотно согласились; прежде медъ постоянно покупали у башкиръ, привозившихъ его къ намъ въ Петропавловку, а масло у еретиковъ. Теперь же устроена у насъ была Иваномъ Терентьевичемъ Панкратовымъ, въ видахъ избѣжанія сообщенія съ еретиками, маслoбoйня, что Петропавловцамъ очень понравилось,

медь начали покупать въ Оренбургѣ, хотя и дороже прежняго, но за то христіанскій у сестеръ Ануфріевыхъ, а масло у Панкратова, на что Ѳоминъ, хотя и невольно, согласился. Когда цѣна на базарѣ на масло была за фунтъ 15 коп., Панкратовъ бралъ съ насъ по 20 коп. Въ маслобойню пріѣзжало много православныхъ съ разныхъ хуторовъ, работы стало больше, и Панкратовъ допустилъ работника православнаго, который, какъ говорили, „еретическими руками да и безъ молитвы началъ работать, что старообрядцамъ очень не нравилось, почему масло Панкратова стали считать такимъ же, какъ и еретическое, отличающимся отъ послѣдняго только болѣе дорогою цѣною, и мало-по-мало начали покупать, хотя и тайно отъ другихъ, опять на базарахъ, какъ масло, такъ и медъ. Ѳоминъ хотя и снисходилъ Бузулуцкимъ выходцамъ, но не воспрещалъ покупать и на базарѣ. Итакъ приверженцы Барышникова, съ вышеупомянутымъ наставникомъ Леономъ Панкратовымъ, видя, что Ѳоминъ холодно вѣрить „святой маслобойнѣ“ Панкратова и „праведному меду“ Ануфріевыхъ, изъ-за торжища отдѣлили свое стадо чистыхъ, кои не причастны грѣхамъ базара, начали собираться особо на моленія, а съ Ѳоминымъ и его послѣдователями не стали ни пить, ни ѣсть, ни молиться вкупѣ Богу, и такъ у насъ въ Петропавловкѣ съ Оренбургскаго собора сдѣлалось не миръ и тишина, а изъ раскола расколъ,—постоянная брань и укѣры между собою. Это побудило нѣкоторыхъ изъ насъ вникнуть въ смѣсль Божественнаго Писанія, чтобы узнать, кто изъ главныхъ наставниковъ правъ и кто заблуждается.

Мнѣ хотѣлось подробнѣе удостовѣриться въ дѣйствіяхъ раскола, я былъ увѣренъ, что они совершаются по Писанію, равно и въ томъ, что наставникъ Ѳоминъ можетъ отъ Писанія оправдать всѣ наши дѣйствія. Въ 1888 году дошелъ до насъ слухъ, что всегда православные миссіонеры побѣждаютъ раскольниковъ и обличаютъ ихъ неправоту. Ожидая, что и въ Петропавловку можетъ явиться миссіонеръ, наставникъ Ѳоминъ мнѣ поручилъ письменно изложить основанія нашего упованія. Я на это охотно согласился и съ пылающей ревностью взялся за работу. Въ началѣ писалъ о церкви, что она не стѣны и покровъ; но вѣра и житіе, какъ учитъ книга Кириллова (л. 9); затѣмъ слѣдовало о крещеніи, причемъ главнымъ доказатель-

ствомъ правоты нашихъ дѣйствій служило изъ потребника лист 49, Помоканона правило 203: „обаче сіи не второ крещаются, аще отъ простеца инока или отца самого по нуждѣ крещень, и аще умереть крестивыйся прежде нежели постигнута священнику, благодать Божія совершаетъ таковаго; аще же живъ будать отроча, да наки тцится превести его предъ священника и молитву и миро по обычаю творить.“ Этою-то надеждою и питались наши наставники и говорили народу, что если намъ пошлетъ Богъ священство, то оно исправитъ насъ по долгу христіанскому, а если кто умереть и не сподобится сего, то благодать Божія довершитъ таковаго. Далѣ мною приводились доказательства о причащеніи изъ Никона Черногорца лист. 450, что многіе на домахъ имѣли причащеніе и, когда хотѣли, причащались. О покаяніи дѣлалась ссылка на Прологъ сентября 25 числа и іюля 25: „како старецъ блудницѣ исповѣдашеся и отъ Бога разрѣшеніе пріять.“ Касательно брака указывалось на Кормчую лист. 500, что онъ совершается по благословенію родительскому. Такъ мы готовились отвѣчать миссіонеру въ защиту дѣйствій нашего упованія. Это было въ 1888 году. Я былъ спокоенъ и благодарилъ Бога, давшаго намъ такого вождя, какъ Иванъ Ѳоминъ; одно только меня беспокоило-это бывшій въ Оренбургѣ соборъ и раздоръ на немъ между наставниками. Это побудило меня нѣсколько разъ прочитывать самые тексты писанія объ антихристѣ и о торжищѣ, и здѣсь мнѣ казалось правильнымъ сужденіе Ѳомина, такъ что я болѣе и болѣе убѣждался, что едва не обожаемый нами наставникъ Ѳоминъ дѣйствуетъ все по-Писанію, и рѣшилъ я, пока здраствуеть Ѳоминъ, узнать отъ него, какъ всѣ дѣйствія наши до малѣйшей подробности подтверждаются текстами Писанія. Я пошелъ къ Ѳомину въ его домъ, который былъ для меня какъ родной, съ тетрадкою въ рукахъ для памятной записи, и завелъ слѣдующую рѣчь: „я пришелъ къ тебѣ, крестный, для того, чтобы подробнѣе заручиться разъясненіемъ о всѣхъ дѣйствіяхъ старообрядства, пока ты живъ и здоровъ, ты Бога ради не откажись мнѣ пояснить все это.“ Ѳоминъ охотно согласился: „Да,—говорилъ онъ: я пока, по милосердію Божію, при жизни своей не былъ посрамленъ ни отъ братіи ни отъ еретиковъ, чтобы быть мнѣ безотвѣтнымъ.“ — „Благодареніе Господу Богу!

—говорю я: едва не каждую недѣлю ѣдетъ къ тебѣ наша братія со всѣхъ сторонъ для разъясненія разныхъ недоумѣній. Вотъ я и надумалъ описать отъ рожденія и до гроба человѣка всѣ дѣйствія теперешняго пребыванія.“ Өминъ одобрилъ мое благое намѣреніе: „помоги тебѣ Господи, чтобы послужило для прославленія христіанства,“ сказалъ онъ.

Первое—началъ я—когда разрѣшится жєнщина отъ бремени, призываемъ наставника, который читаетъ молитвы: „прости мя, отче святой,“ и кадитъ весь домъ, тогда входятъ семейные въ домъ, а пока не освятится домъ наставникомъ, каждый считаетъ домъ сквернымъ и никто не входитъ въ него, кромѣ бабушки, ухаживающей за больной, а если кто, не зная сего, войдетъ въ домъ случайно, то тотъ долженъ принять освященіе отъ наставника, какъ и родившая. Такъ вотъ гдѣ же это написано, чтобы подтвердить текстомъ?“ При этомъ я вынулъ тетрадь для записи въ полной увѣренности, что вотъ начнетъ Өминъ мнѣ доказывать отъ Писанія, но онъ, немного посидѣвъ, сказалъ: „да это въ Писаніи едвали можно гдѣ найти, чтобы наставникъ шелъ и читалъ освященіе, какъ мы дѣйствуемъ; въ прежнее благочестіе такихъ случаевъ не было.“ „Я въ испугѣ спросилъ: „съ какого же правила или примѣра святыхъ взято ваше дѣйствіе?“ Өминъ на это отвѣтилъ: „такъ насовѣтовали старики и отецъ Гавріилъ, а писаннаго нѣтъ, да и бытъ не можетъ.“ Отвѣтъ Өмина, какъ стрѣла прозилъ мнѣ сердце: „насовѣтовали старики, а писаннаго нѣтъ!“ Собравшись съ чувствами, я еще спросилъ: „какъ же вы основались такъ держать, если нѣтъ писаннаго?“ Өминъ на это сказалъ, что такъ указалъ отецъ Гавріилъ и что въ Перми и Міясскихъ заводахъ и вездѣ, гдѣ древнее старообрядство есть, одинаково дѣйствуютъ. Я спросилъ Өмина: „а если насъ спроситъ миссіонеръ, ему какъ отвѣтимъ?“ Өминъ отвѣтилъ; „а кто ему скажетъ про наше дѣйствіе? онъ самъ не знаетъ, а мы не будемъ сами навязываться съ разказами миссіонеру, а если онъ спроситъ, какъ дѣлаете, мы отвѣтимъ—никакъ: помолится родившая и бабка, да и ладно. Не станемъ же мы говорить, что у насъ наставникъ ходитъ да читаетъ для очищенія.“ Тѣмъ и кончилась наша бесѣда. Это было въ 1888 году когда мнѣ было 23 года. По возвращеніи домой размышляя о томъ, какъ Өминъ

рѣшалъ постоянно разныя недоумѣнія среди старообрядцевъ, я никакъ не могъ заглушить стоявшаго въ моихъ ушахъ звука его словъ: „такъ насовѣтовали старики, а писаннаго нѣтъ.“ Я сталъ провѣрять записку, которая составлена мною по порученію Ѳомина: о крещеніи, причащеніи, покаяніи и бракѣ. Съ большимъ прилежаніемъ я началъ дѣлать разборъ нашихъ доказательствъ, и затѣмъ, не теряя времени, снова пошелъ къ Ѳомину для успокоенія совѣсти. Онъ принялъ меня по прежнему-радушно. — „Я опять пришелъ тебя беспокоить и Бога ради прошу разяснить мнѣ вѣчто,“ сказалъ я. Ѳоминъ, какъ и прежде, охотно и любезно согласился побесѣдовать со мной. Я предложилъ вопросъ слѣдующаго содержанія: „по писанію крестить можетъ прстець и даже бабка (Номокан. л. 49, прав 203), но въ этомъ правилѣ я не нашелъ основанія для нашего дѣйствія: въ правилѣ сказано, что прстець инокъ или мірянинъ, или отецъ самъ, или бабка, можетъ окрестить по нуждѣ, а чтобы избрать для этого особаго прстеца, который бы совершалъ крещеніе такъ, какъ оно совершается, этого въ правилѣ нѣтъ; а у насъ становятся свидѣтели крещенія: воспріемникъ и воспріемница, читается символъ вѣры, отрицаніе сатаны; изъ какой книги взять чинъ этого крещенія?“ Снова послѣдовалъ отвѣтъ, что этого писаннаго нѣтъ и проч. и снова дрожь принизывала меня. Еще я предлагаю вопросъ: „родившую жену до шести недѣль мы не принимаемъ въ общеніе ни въ пищѣ, ни въ питіи, ни вкупѣ Богу молиться, по прошествіи же сорока дней приходитъ жена къ наставнику съ младенцемъ и наставникъ читаетъ ей молитвы нѣкоторыя изъ Потребника и писанную въ часословѣ: „прости мя Отче святыи,“ и послѣ того женщина та причитается къ стаду старообрядцевъ: гдѣ это писано, чтобы прстець могъ дать въ сороковой день женѣ молитву?“ Ѳоминъ, не много подумавъ, отвѣтилъ, что этого писаннаго нѣтъ, что въ Потребникѣ сказано, что священникъ даетъ молитву, а о прстецѣ не упомянуто. — „Если нѣтъ писаннаго, какъ же вы дѣйствуете не по писанію,“ спросилъ я. — „Далось тебѣ—не по писанію,—отвѣчалъ Ѳоминъ, куда же дѣнешься? не идти же изъ за молитвы къ еретику. Какъ-нибудь да надо же! Вездѣ старообрядцы такъ дѣйствуютъ. Богъ видитъ нашу скудость и благодатию Своею довершитъ. Когда меня бла-

гословилъ отецъ Гавріилъ въ настоятели, то говорилъ: „ни о чемъ не сомнѣвайся, — Господь приметъ тебѣ твои дѣйствія: на- си стадо, какъ священникъ,“ вотъ я съ благословенія отца Гавріила и дѣйствую.“ Далѣе я предложилъ вопросы о бракѣ: „откуда взять примѣръ нашего совершенія брака, что новобра- чующіеся приходятъ въ часовню, гдѣ наставникъ обручаетъ коль- цами, читаетъ три молебна: Спасу, Богородицѣ и всѣмъ свя- тымъ и поученіе изъ Потребника?“ Объ освященіи воды: „от- куда взять примѣръ, чтобы ее освящали простецы и не такъ, какъ сказано въ Потребникѣ — не чрезъ погруженіе креста, а чрезъ влитіе воды, соблюдающейся отъ прошлаго года?“ — На все отвѣтъ Ѳомина былъ прямой и скромный: „въ Писаніи ни- гдѣ не сказано, чтобы бракъ и освященіе воды совершать про- стецамъ; дѣйствуемъ же такъ по обычаю, отъ стариковъ, что- бы не потерять примѣръ древняго благочестія. А если тебѣ ка- жется все это противно писанію, — говорилъ въ заключеніе Ѳо- минъ, — то укажи мнѣ и старикамъ, какъ нужно дѣйствовать.“ Видя, что Ѳомина начинаетъ на меня обижаться, я старался успокоить его, говоря, что былъ увѣренъ, что у насъ все дѣлается по писанію, потому то обратился къ нему, Ѳомину, за разъясне- ніемъ, какъ извѣстному наставнику. Успокоившись, Ѳомина ска- залъ: „Да! когда въ благочестіи было такое событіе, чтобы намъ — простецамъ совершать требы? А что же дѣлать, когда Богъ за неправду нашу отнялъ у насъ священство? Самъ видишь — всюду обладаетъ никоніанство, вездѣ брадобритіе табакъ про- клятый. Если у насъ и не все по писанію дѣлается, то Богъ видитъ, что по нуждѣ и скудости нашей, и рады бы довершить, да гдѣ взять истинное священство?“ — Этимъ закончилась наша бесѣда и я, поблагодаривъ Ѳомина, простился и ушелъ домой.

Послѣ того у меня явилось еще большее раздуміе каса- тельно отвѣта Ѳомина, что писаннаго нѣтъ, а такъ насовѣто- вали старики. Вѣдь въ одномъ мѣстѣ по извѣстному предмету старики могли совѣтовать такъ, въ другомъ иначе, и въ своихъ совѣтахъ старики руководились не Писаніемъ и не правилами соборовъ, потому то и разногласія и раздоры въ старообрядствѣ. Спустя недѣлю я снова пошелъ къ наставнику Ѳомину и спро- силъ его, почему мы разнимся со старообрядцами другихъ со- гласій, напримѣръ, бѣглопоповцами, австрійцами, поморцами,

спасовцами и другими, которые всё молятся двуперстно. На это Ооминъ отвѣтилъ, что эти старообрядцы не согласно Писанію вѣруютъ: бѣглопоповцы, не имѣя епископа, принимаютъ священниковъ, но это противъ правилъ и практики древней церкви; у австрійцевъ, не имѣвшихъ 180 лѣтъ епископа, бѣглець попъ принялъ бѣглеца—митрополита Амвросія и отъ него потекла ихъ хиротонія-іерархія: меньшій благословилъ большаго, что также противно правиламъ; поморцы не право перекрещиваютъ всѣхъ безъ исключенія, а святые отцы положили 3 чина на принятіе отъ еретиковъ; спасовцы отвергаютъ совершенно Новый завѣтъ-причастіе, что противно словамъ Христовымъ; посему они всё противно св. церкви поступаютъ и хотя они всё старообрядцы и молятся двуперстно, но за неправое ихъ мудрованіе, противное Писанію, они всё еретики, волки въ кожѣ овчей по Златоусту (Марг. лист. 589): хотя и имѣютъ въ устахъ Слово Божіе, но за дѣйствія ихъ, противныя евангелію и несогласныя съ Писаніемъ, они подвергаются проклятію, потому что многое внесли отъ себя, а сказано: „аще кто прибавитъ или убавитъ-проклятъ“ (Корм. л. 636). На это я сказалъ, что вѣдь у бѣглопоповцевъ, австрійцевъ, поморцевъ и др. все установлено по совѣту стариковъ ихъ согласія, хотя бы и не согласно Писанія: также творится и у насъ: насовѣтовали старики—читать молитву родившей въ 1 и въ 40 день, сводить браки, отправлять уставную службу, освящать воду, служить панихиды, принимать еретиковъ третьимъ чиномъ и многое др. и мы считаемъ это во спасеніе, потому нельзя осуждать и старообрядцевъ другихъ упованій, поступающихъ тоже по совѣту стариковъ. На это Ооминъ сказалъ, что невозможно и помыслить, чтобы во всѣхъ упованіяхъ можно получить спасеніе: по Апостолу „единъ Господь, едина вѣра,“ а прочія всё ереси, какъ говоритъ книга Кириллова (л. 505): „вѣдите вы, православніи... вкратцѣ вамъ ко утверженію речемъ, да знаете, яко всё вѣры прочіи, иже вѣрами зовутся, не суть вѣра, но прелести, начальше отъ латинскія и до прочихъ всѣхъ.“ Только одна вѣра правая и если не будешь въ ней, то хотя бы и двуперстно молился о спасеніи, не получишь его, потому что кромѣ вѣры не возможно угодить Богу.“ (Апост. Толк. л. 141, 138, 904, Катих. л. 17, Кирил., кн. л.

44, О вѣрѣ л. 51 ч др.). — „Какъ же можно познать вѣру Христову безошибочно?“ спросилъ я. — „Отъ Писанія,“ отвѣтилъ Ѳоминъ: „кто кромѣ Писанія мудрствуетъ-тѣ всѣ еретики (Благ. отъ Іоанна зач. 27). Потому мы и считаемъ всѣхъ другихъ старообрядцевъ еретиками, хотя бы молились они и двуперстно: не за одни персты можно погибнуть, но за всякое нововведеніе, не согласное святымъ отцамъ; въ Кирилловой книгѣ сказано: „аще и мало что поколеблетъ-анафема“ (л. 637). На это я спросилъ Ѳомину: „но если насовѣтовали старики, а писаннаго нѣтъ, то грѣха не будетъ?“ Вѣдь если вы считаете, что правильно насовѣтовали вамъ въ Міясскихъ заводахъ совершать простецамъ то, чего не писали св. отцы, то по моему необходимо признать совѣты стариковъ и другихъ согласій правильными, истинными, или же наоборотъ, если вѣрить одному Писанію, а не старикамъ, то всѣ старообрядческія упованія надо признать неправильными, беззаконно основанными, — не на Евангеліи, не на соборахъ, не по писанію отцевъ, но по совѣту полуграмотныхъ стариковъ. Вѣдь нигдѣ не писано, чтобы вселенская церковь не имѣла во всемъ свѣтѣ единовѣрнаго себѣ епископа и пользовалась бѣглыми попами еретическаго поставленія въ теченіе почти двухъ столѣтій, но безъ сомнѣнія, старики насовѣтовали принимать бѣглыхъ священниковъ, лишь бы не лишиться совершенно священства. Также нигдѣ въ Писаніи нѣтъ, чтобы вселенская церковь не имѣла ни одього православнаго епископа и за мзду купила благодать священства у еретическаго митрополита Амвросія. Антиканоичную покушку депутаты старообрядцевъ устроили несомнѣнно по совѣту стариковъ; такъ кому же вѣрить: старикамъ ли или отцамъ святымъ, которые прямо и рѣшительно утверждаютъ, что рукополагаемые и рукоположившіе по мздѣ предаются анафемѣ (прав. 1-го вселенскаго собора 17, Корм. л. 278, 782, 293)?“

„Съ такими совѣтами стариковъ никакъ согласиться нельзя,“ отвѣчалъ Ѳоминъ: мы обязаны твердо вѣрить постановленіямъ вселенскихъ соборовъ, на нихъ церковь, какъ на 7 столбахъ, утверждена, а совѣты людей могутъ быть ошибочны и послужить на погубель.“ — „А въ какомъ же согласіи старики насовѣтовали вѣрно? Какъ это узнать?“ говорилъ я. „Вѣдь насовѣтовали въ Міясѣ и въ Сакмарскѣ вопреки 2-му правилу Апостольскому

которое говоритъ: „восхищающіе не дарованное имъ раздражаютъ Бога, якоже сынове Кореевы, Іосія царь, ни діакону убо приноситьи жертвы вѣсть достойно, ни крестити кого.“ А у насъ простецъ, по совѣту стариковъ, совершаетъ все, кромѣ литургіи, а Гангрійскій соборъ 6-мъ—правиломъ всеѣ наши дѣйствія предаеть проклятію: „Аще кто кромѣ соборныя церкви о себѣ собирается и, перады о церкви, церковная хочетъ творити не сущу съ ними пресвитеру по воли епископа, да будетъ проклятъ.“ Потому, если предаются проклятію австрійцы за покупку благодати Святаго Духа, то также предаются проклятію всеѣ старообрядцы, собирающіеся молиться безъ священника; если нужно считать совѣты австрійскихъ стариковъ проклятыми, какъ несогласные съ правилами соборовъ и святыхъ отецъ, то по той же причинѣ прокляты и совѣты нашихъ стариковъ. Такъ то, крестный! Если смотрѣть на Писаніе и правила, то необходимо переходить въ церковь великороссійскую,—тамъ бѣтъ нужды покупать священство, какъ сдѣлали австрійцы, тамъ нѣтъ нужды совершать все простецамъ и отвергать Новый завѣтъ, какъ спасогцы, тамъ отъ временъ апостоловъ течеть благодатный ключъ въ трехчинной іерархіи совершаются всеѣ 7 таинствъ безпрерывно.“—„Объ этомъ нужно подумать и не лишнимъ съѣздитъ въ Уральскъ къ Барышниковымъ,“ ствѣчалъ Ооминъ.

(Окончаніе сльдустъ).

ИЗЪ ДѢБРЕЙ РАСКОЛА ВЪ ЛОНО СВ. ЦЕРКВИ.

(Воспоминанія изъ жизни въ расколѣ).

(Окончаніе).

Въ 1889 году, 9 января, по совѣту Хомина была назначена бесѣда въ домъ Захара Ильича Леонова, куда принесены были книги и въ числѣ ихъ Кормчая. Хоминъ объяснилъ собравшемуся народу цѣль бесѣды слѣдующими словами: „Повсюду, слышно, ѣздятъ миссіонеры и оставляютъ старообрядцевъ безотвѣтными; хотя мнѣ и не пришлось вести бесѣды съ миссіонерами, но по милости Божіей я посрамленъ не былъ никогда ни кѣмъ и надѣюсь, что и впередъ Богъ не оставитъ насъ; потому вотъ молодые нѣкіе просятъ показать, какія ереси за

никоніанами.“ Поднялся общій гулъ: „чего тутъ разбирать! слышались голоса: не осталось ни одной ереси, какую бы не приняла великороссійская церковь; кто угодно иди въ не: хоть жидовинь, хоть татаринь, хоть католикъ; всѣ римскія ереси приняла: бороды брѣютъ, щепоть, кржъ латинскій.“ Умолкли.— „Позвольте, братіе,-сказаль я,—мнѣ стоятъ какъ бы за никоніанъ и спрашивать васъ объ упованіи, только не подумайте, что на самомъ дѣлѣ я защищаю ихъ; вѣдь вамъ придется слышать отъ миссіонеровъ, что я буду говорить, а теперь мы одни, такъ намъ надо лучше подготовиться и бояться не кого. Вотъ вы всѣ согласны, что за церковь великороссійской всѣ ереси древнихъ еретиковъ, какъ высказаль не разъ намъ наставникъ Ѳоминь?“—Слышится отвѣтъ: „всѣ, всѣ“.— „Теперь откроемъ—продолжаю я—Кормчую и посмотримъ, о чемъ былъ первый вселенскій соборъ. Онъ былъ на еретика Арія, который училъ, что Сынъ Божій не Творецъ видимыхъ всѣхъ и не видимыхъ, но твореніе подлѣтное (Корм. л. 6). Спрашиваю васъ, есть ли эта ересь за церковь великороссійской?“ Прочитанъ былъ символъ вѣры по новымъ учебникамъ и предисловіе Псалтири.— „Исно,—говорю я,—что церковь православная учитъ такъ же, какъ учитъ и древняя церковь: Сына Божія признаетъ единосущнымъ Отцу и ереси Арія за церковь нѣтъ и мы напрасно обличали ее въ этомъ.“— „Да, въ ней этой ереси нѣтъ,“ подтвердилъ Ѳоминь. Слушатели были поражены, что православная церковь, какъ оказывается, согласно учитъ 1-го вселенскаго собора. Точно также разсмотрѣны были постановленія остальныхъ вселенскихъ соборовъ, и, къ ужасу своему, старообрядцы не нашли ни одной соборной ереси за церковь православной.— „И такъ, братіе,—сказаль я,—не будемъ говорить, что все ереси за церковь, и ваче насъ попросятъ доказать это отъ Писанія, чего мы будемъ не въ силахъ сдѣлать и этимъ посраимъ себя.“

Послѣдовало унылое молчаніе, и старообрядцы, смотря другъ на друга, видимо стыдились.— „Хотя соборныхъ ересей и нѣтъ за великороссійской церковью,-сказаль Ѳоминь,-но за нею ересь-римское брадобритіе, о чемъ писано въ Потребникѣ (л. 594). 2-я ересь—табакъ бѣсовскій, о чемъ сказано въ Книгѣ о вѣрѣ“ (гл. 15, 128). Всему собранію хотѣлось вмѣнить никоніанамъ третью

ересь— троеперстное сложеніе, но ни въ какомъ Писаніи оно не пазвано не только ересью, но даже и грѣхомъ, хотя и очень обидно было мириться съ тѣмъ, что троеперстіе—не ересь. Утѣшились хоть тѣмъ, что пашли двѣ ереси за церковью, но этимъ утѣшились далеко не всѣ: многіе начали разсуждать довольно своеобразно, что брадобритіе, хотя бы и было ересью, но не церковною, а на произволеніи каждаго человѣка: чѣмъ виновенъ я, если мой сосѣдъ обрилъ себѣ бороду? Также и о табакѣ: чѣмъ виновенъ я, ежели курить мой сосѣдъ? Словомъ—эта беседа, породила большую молву въ народѣ, и нѣкоторые начали судить о церкви совсѣмъ не такъ, какъ судили раньше, въ особенности Венедиктъ и Василій Оомны начали сильно сомнѣваться въ своемъ упованіи.

Въ это время прислана была изъ Преображенска священникомъ чрезъ Василія Ковригина книжка сочиненія Малышева, который разбиралъ неправду челобитной. Эта книга еще болѣе подвинула къ правильнымъ сужденіямъ о церкви; въ то же время начали ходить слухи, что начетчики молодые сбиваютъ паставника Оомина. Въ 1890 году общество посовѣтовало Оомину съѣздить въ Уральскъ и тамъ побесѣдовать о духовныхъ дѣлахъ. Февраля 2-го Иванъ Ооминъ, Степанъ Калининъ и я отправились въ Оренбургъ, изъ Оренбурга въ поселокъ Ранній, гдѣ проживалъ начетчикъ Харлампій Онисимовъ. Мы остановились у него въ домѣ и отчасти сообщили о дѣлѣ нашего пріѣзда. Онъ сталъ извергать хулы на великороссійскую церковь, по обычаю раскольниковъ, обвиняя священниковъ въ невоздержной жизни. Находившійся здѣсь дѣдушка Романъ принесъ картинку, писанную красной киноварью: на картинѣ былъ изображенъ осмиконечный крестъ и священникъ въ облаченіи съ осмиконечными крестами; священникъ представленъ совершающимъ службу на 7 просфорахъ, и отъ чаши устроено сіяніе, а вверху картинки надпись, „благочестивый священникъ.“ Рядомъ, на другомъ полулистѣ изображенъ темной краской четырехконечный крестъ и предъ нимъ священникъ въ облаченіи съ четырехконечными крестами служить на 5 просфорахъ, внизу надпись: „попъ никоніанскій.“ Показывая эту картинку, дѣдушка Романъ весь трясся и кричалъ, что простая мужичка можетъ познать, который истинный и который ложный попъ: „Вонъ никоніанскій—

то увѣшался крестами латинскими и служить на 5 просфорахъ; оставили двѣ тайны церковныя никоніане-то!“ Повидимому, эта картинка произвела на Ѳомина впечатлѣніе, и онъ просилъ дѣдушку Романа продать ее. Дѣдушка продалъ картинку за рубль, хотя она стоила не болѣе 3 коп. Отсюда мы съѣздили къ Барышняковымъ, но бесѣды были малыя: Ѳоминъ какъ бы удовлетворился картинкой, которая показывала безъ книги, гдѣ истинна, а я въ силу необходимости принужденъ былъ молчать. Такъ мы и возвратились домой. По пріѣздѣ въ Петропавловку, къ намъ пришелъ Ѳоминъ Василій и спросилъ меня, убѣдился ли я въ старообрядствѣ или нѣтъ? Я отвѣтилъ отрицательно, что съ тѣмъ пріѣхалъ, съ чѣмъ и уѣхалъ. На другой день собралось очень много народа къ наставнику Ѳомину, который показывалъ привезенную картинку и говорилъ, что по ней видна истина для каждаго, и народъ безъ колебанія повѣрилъ этой раскольничьей картинкѣ, потому что всѣмъ желательно было вѣрить въ истинность старообрядства. Но далеко не всѣ были удовлетворены этой картинкой.

Мы, сомнѣвающіеся въ правотѣ нашего упованія, собирались дѣломъ и читали разные книги; когда же ознакомились съ „Выписками“, Озерскаго, то у насъ вполне открылись очи на неправду раскольничью. На наши собранія мы нерѣдко вызывали нашего наставника Ѳомина, предлагая ему доказать всѣ дѣйствія раскола отъ Писанія, согласно Никона Черногорца: „все, яже глаголемъ и творимъ, имѣйте показанія отъ Божественнаго Писанія, да не человѣческими умышленіями спадемъ праваго пути и впадемъ въ пропасть погибели“ (л. 12). Конечно, Ѳоминъ доказать не могъ и къ великой его чести-онъ откровенно въ этомъ признавался и въ концѣ концовъ, убѣдившись, что совѣты стариковъ идутъ въ разрѣзъ съ совѣтами святыхъ отецъ, созналъ неправоту своего пребыванія въ расколѣ. Въ 1891 году, 8 сентября, на праздникъ Рождества Пресвятыя Богородицы, отслуживъ съ вечера всенощное бдѣніе, а по утру часу, при большемъ стеченіи народа, обратясь къ нему, наставникъ Иванъ Ѳоминъ сказалъ слѣдующее: „Отцы, братіе и сестры! Всѣмъ вамъ извѣстно, что невѣдомыя судьбы Божіи и великая просьба народа въ 1869 году заставили меня принять служеніе наставника и я съ великой ревностью несъ это, воз-

ложевное на меня, иго 22 года. Богъ посѣтилъ меня вдовствомъ на 35 году, и я не рѣшался вступать во второй бракъ, жалѣя поклннуть васъ и боясь наказанія Божія, если оставлю возложенное на меня служеніе. Обливаясь слезами, я переносилъ свою одинокую жизнь, не принимая участія въ пиришествася и увеселеніяхъ, чему вы свидѣтели; я не бралъ съ васъ денегъ ни за браки, ни за другія требы, которыя совершалъ неопустительно; единственное мое упованіе было за все полунаграду въ будущемъ отъ Вышняго Создателя, но, къ великому моему, а вмѣстѣ и вашему прискорбію, я глубоко ошибался, и теперь вижу, что я не посланъ на совершеніе святыхъ таинствъ отъ Бога, но посланъ лишь отъ народа безблагодатнаго, за что долженъ получить я и пославшіе меня клятву, согласно Іезекіиля пророка (XIII, 2) и Іереміи (XIV, 14). Погибаю я, гибнете вы, погибли и тѣ несчастные, которыхъ я наустовалъ и предалъ землѣ въ теченіи 22-хъ лѣтъней моей службѣ. И потерялъ вѣру въ наши запасные якобы дары: вѣдь мнѣ неизвѣстно, эти дары, полученные отъ отца Гавріила, какимъ священникомъ были совершены, а по Апостолу „гдѣ нѣтъ священства, нѣтъ и жертвы, ибо сіе вкупѣ бываетъ и едино безъ другаго быти не можетъ“ (Апост. Толк. л. 548). Итакъ, простите меня всѣ Христа ради, что я 22 года невѣдалъ, что творилъ; отнынѣ я вамъ не наставникъ, вотъ вамъ именуемыя тайны запасныя: поручите, кому хотите.“ При этихъ словахъ Ѳомиинъ поставилъ штукатулку бѣлой жести квадратную въ 5 вершковъ высоты и ширины, въ которой хранились именуемые запасные дары. Въ это время брызнули изъ тысячи глазъ горячія слезы; стоны и рыданія слились въ одинъ потрясающій душу гулъ. Тяжелая картина! одни плакали отъ радости, что наставникъ Ѳомиинъ, сознавъ свое заблужденіе, будетъ искать выхода, и мы рано или поздно выйдемъ на путь истины; другіе плакали о гибели своихъ родныхъ покойниковъ, третьи—отъ злости, что наставникъ Ѳомиинъ поддался вліанію молодыхъ и потерялъ свое старообрядческое убѣжденіе. При послѣднихъ словахъ Ѳомиинъ, обливаясь слезами, хотѣлъ выйти изъ часовни, но толпа его не пустила. Убѣжденные сѣдинами старцы едва не въ истерическомъ состояніи, также обливаясь слезами, падая Ѳомиину въ ноги, просили его не покидать ихъ до времени, но найти истинное при-

станции, дабы не погубить свою и ихъ души. Ѳоминъ, растроганный до глубины души, сколь ни пытался выйти изъ часовни, не могъ этого сдѣлать: толпа падала предъ имъ, устилая собою полъ и не давая ему пройти. Ѳоминъ сѣлъ на стульиъ и просилъ всѣхъ подняться—послушать, что онъ скажетъ. Настала тишина. Только всхлипыванія послѣ слезъ не умолкали, невольно вырвавшись изъ груди.— „Знайте, братіе и сестры,—началъ Ѳоминъ,—что мы погибаемъ безъ священства, намъ необходимо провѣрить „Выпискя“ Озерскаго, и ежели въ нихъ окажется вѣрнымъ все, что писано, то мы неправо охулили церковь великороссійскую. 14 сентября давайте соберемся и побесѣдуемъ, что намъ дѣлать, а теперь съ Богомъ идите домой.“ Толпа народа уныло разошлась по домамъ.

Между тѣмъ посланы были гонцы въ сосѣдніе хутора Чукари и Карагай, и къ 14 сентября съѣхались много народа, переполнившаго часовню. Ѳоминъ предложилъ бесѣду о необходимости священства. Изъ „Выписокъ“ Озерскаго прочитано было немало доводовъ. Вопросъ сводился къ тому, что нѣтъ спасенія безъ священства. Сходомъ рѣшили снова ѣхать въ Оренбургъ и Уральскъ къ своимъ собратіямъ для общей бесѣды. 2-го октября выѣхали въ Уральскъ отъ насъ депутаты: наставникъ Ѳоминъ, наставникъ Леонъ Панкратовъ, Иванъ Леоновъ, Илья Чигровъ, Спиридонъ Панкратовъ, Леонъ Леоновъ и я; 10-го прибыли въ Уральскіе предѣлы, въ знаменитое мѣсто раскола на хуторъ Варсонофія Барышникова. Мы заѣхали къ Анисиму Барышникову, который принялъ насъ неособенно радушно. На всѣ вопросы наши отвѣчалъ весьма уклончиво и неохотно. „Выпискамъ“ Озерскаго онъ не вѣрилъ. Мы пошли въ келію его родителя, бывшаго нѣкогда свѣтиломъ раскола, Варсонофія Барышникова; это былъ дряхлый старикъ; онъ не любилъ, когда ему говорили вопреки, а любилъ, чтобы его слушали и вѣрили ему безпрекословно. „Выписки“ Озерскаго онъ называлъ блудницей, соблазняющей народъ, увѣрялъ, что онъ былъ въ Москвѣ и самъ видѣлъ Потребникъ Іова патріарха, въ которомъ ничего не сказано о поливательномъ крещеніи. Такъ нагло могутъ лгать раскольничьи руководители, чтобы удерживать темный людъ въ расколѣ! Варсонофій, видя, что мы сомнѣваемся ему вѣрить, съ бранью проводилъ насъ. Мы на-

чили приглашать Анисима Барышникова съѣздить съ нами въ Москву и провѣрить „Выписки“ Озерскаго. Барышниковъ отъ предложенія уклонялся, ссылаясь на недостатокъ времени, мы же объявили ему, что не преминемъ съѣздить въ Москву и въ случаѣ, если окажется правда въ „Выпискахъ Озерскаго, тогда что? Анисимъ Барышниковъ говорилъ, что быть того не можетъ, чтобы въ „Выпискахъ“ была правда: „знають никоніане, что никто не поѣдетъ въ Москву свѣрять „Выписки,“ вотъ и пишуть, чего нѣтъ.“ „А ежели въ „Выпискахъ“ правда окажется?“ — спросили мы снова Барышникова. — „Тогда мы, старообрядцы, погибаемъ,“ былъ отвѣтъ Барышникова.

Такъ наша жаждущая истины душа не получила никакого успокоенія отъ этой поѣздки, и мы вернулись домой. На обратномъ пути мы были въ Оренбургѣ въ воскресенье и ходили въ молельню Анофріевой. Хлѣбосольная хозяйка Анастасія Анофріева пригласила насъ къ себѣ, на трапезу. Къ вечеру собрался въ молельнѣ ея народъ, и многіе старались насъ съ Ѳоминымъ убѣдить въ правотѣ старообрядства, но эти убѣжденія намъ казались слабыми. И, вотъ, богатая купчиха Анастасія Анофріева, видя, что плохо дѣйствуютъ доводы Оренбургскихъ главарей на Ѳомина, рѣшилась сама повліять на него: поднявшись и едва передвигая ноги отъ тучнаго тѣла, а вмѣстѣ съ нею и другая, неизвѣстная мнѣ, купчиха упали Ѳомину въ ноги и задыхающимся отъ волненія голосомъ сказали: „батюшка, Иванъ Ермолаевичъ! не уходи ты къ никоніанамъ, — вѣдь это будетъ всесвѣтный позоръ всѣмъ намъ, что наставникъ служилъ 22 года и ушелъ къ никоніанамъ.“ Ѳоминъ отвѣтилъ: „я не уйду къ никоніанамъ, ежели мнѣ не угонять туда отеческія книги.“ Не полѣнились эти двѣ купчихи и мнѣ поклониться со словами: „не соблазняй ты Ивана Ермолаевича — переходить къ никоніанамъ.“ — „Нѣтъ, я не соблазнюю, а только читаю книги, а книги доведуть до истины, а не читать — значитъ погибнуть.“ — „Конечно, читать нужно“, послышался отвѣтъ. Тѣмъ и кончилась бесѣда.

Въ Оренбургѣ мы пробыли 4 сутокъ. Въ это время я побывалъ у единовѣрческаго священника о. Іоанна Ксенофоновича Крючкова, который настолько меня расположилъ къ себѣ, что я видѣлъ въ немъ истиннаго пастыря, готоваго взять заблу-

дшую овцу на свои рамена и нести въ ограду Христовой церкви. 22 октября мы прибыли обратно въ Петропавловку. Съ того времени непрестанно у насъ продолжались бесѣды между собою. 6 ноября былъ у насъ съѣздъ съ другихъ хуторовъ, и всѣ рѣшили неотложно ѣхать въ Москву для провѣрки „Выписокъ“ Озерскаго. Въ декабрѣ мѣсяцѣ были приготовлены вопросы о томъ, о чемъ нужно сдѣлать въ Москвѣ справку по книгамъ. 6 декабря были выбраны депутаты для поѣздки въ Москву: Иванъ Ѳоминъ, Михаилъ Бучневъ и я. 23 въ Петропавловку прибылъ епархіальный миссіонеръ М. І. Головкинъ. Къ вечеру безъ зова собралось на бесѣду много народа. Миссіонеръ любезно и ласково бесѣдовалъ съ нами 24 25 и 26 декабря. Онъ воодушевилъ насъ своею бесѣдою и увѣрилъ, что въ „Выпискахъ“ Озерскаго писана истина, далъ намъ рекомендательныя письма въ Москву, словомъ—открылъ намъ глаза, куда ѣхать, гдѣ остановиться и гдѣ что разсмѣивать. 27 декабря мы отправились въ Москву, куда прибыли утромъ 5 января 1892 года. Остановились въ домѣ Покровскаго собора, близъ Кремля. Вечеромъ ходили въ Успенскій соборъ. Трепещущими ногами, озираясь кругомъ, вошли мы въ него. Соборъ былъ переполненъ молящимися, водоосвященіе совершалъ епископъ съ множествомъ духовенства. Мы поражены были древностію иконъ и благолѣпіемъ собора. 6 числа мы по утру вошли на колокольню Ивана Великаго и оттуда смотрѣли, какъ совершался крестный ходъ на Москву рѣку изъ Успенскаго собора для освященія воды. Это многочисленное собраніе духовенства во главѣ съ святителями, множество крестовъ, иконъ и хоругвей и зрѣлище живаго моря, колыхавшагося на далекомъ пространствѣ по обѣимъ сторонамъ рѣки Москвы, поразило и глубоко взволновало наши души. 6-го же числа мы изъ Покровскихъ номеровъ переѣхали въ Никольскій единобѣрческій монастырь, гдѣ насъ съ любовью принялъ и помѣстилъ въ своей келліи приснопамятный о. архимандритъ Павелъ Прусскій; во все время нашего пребыванія у него онъ не оставлялъ ни одного дня, чтобы не побесѣдовать съ нами. Провѣрка книгъ въ Хлудовскій библиотекъ для насъ была не возбраняема каждодневно, гдѣ трудился съ нами бывший библиотекарь М. Е. Шустовъ (нынѣ отецъ Мина). Мы посѣщали не разъ Успенскій со-

боръ, гдѣ сподобились видѣть икону, написанную евангелистомъ Лукою, крестъ, принесенный княземъ Владиміромъ изъ Корсуни, гвоздь Господень, руку Андрея Первозваннаго. Были въ ризницѣ Патріаршей, гдѣ сподобились видѣть саккосъ митрополита Фотія, жезлы патріарховъ, облаченія и митры, сосудъ со св. миромъ, принесенный княземъ Владиміромъ изъ Корсуни. Были не разъ въ Синодальной бібліотекѣ, гдѣ провѣряли Макарьевскіе Четы-миней, свѣрялись о стригольникахъ, объ аллилуйя, и все получилось точно такъ, какъ писано въ „Выпискахъ“ Озерскаго. Благодаря незабвенному архимандриту Павлу, намъ всюду были отверсты двери, и мы могли провѣрить, что насъ блазило, по печатнымъ, пергаментнымъ и письменнымъ книгамъ, и всѣ наши недоумѣнія провѣркою древнихъ книгъ были разсѣяны. 18 января, нанутствованные добрымъ пожеланіемъ архимандрита Павла — да воздастъ ему Господь вѣчное блаженство за его святые труды съ нами! — отправились восвояси. Января 25-го прибыли мы въ Петропавловку и въ тотъ-же день на бесѣдѣ объяснили все, что видѣли въ Москвѣ. 30 января былъ соборъ нашихъ старообрядцевъ, народа было много. Ооминъ заявилъ, что онъ убѣдился въ правотѣ церкви православной и желаетъ присоединиться къ ней. Желаютіе могутъ съ нимъ записаться, при чемъ онъ записался первымъ, затѣмъ родитель мой, я и другіе, всего 260 человекъ. Нами немедленно послана была депутація изъ двухъ человекъ Венедикта Оомина и Ильи Калининна съ подпиской отъ 260 человекъ, желающихъ присоединиться къ церкви православной, — просить Пресвященнѣйшаго Макарія, Епископа Оренбургскаго и Уральскаго, выслать намъ Оренбургскаго единавѣрческаго священника о. І. К. Крючкова, для присоединенія насъ къ православію. Преосвященнѣйшій Владыка не замедлялъ исполнить нашу просьбу: 25 февраля прибылъ въ наше село о. Іоаннъ Крючковъ съ епархіальнымъ миссіонеромъ Миліемъ Головкинымъ. 26 была бесѣда, 27 освящена молебная раскольничья на молитвенный домъ, устроена перегородка, поставлены престолъ и жертвенникъ, а 28 совершено присоединеніе Петропавловцевъ къ православной церкви. Бѣ, теченіе двухъ дней всего присоединилось 285 человекъ во главѣ съ паставникомъ Иваномъ Ооминымъ (выпѣ священникомъ въ селѣ Ивановкѣ).

28 февраля навсегда останется памятнымъ для Петропавловцевъ, какъ начало вступленія ихъ въ лоно св. церкви. Съ того времени, въ теченіе 10 лѣтъ, присоединилось къ православію въ Петропавловкѣ 1146 человѣкъ, въ хуторѣ Ивановскомъ 293, въ хуторѣ Покровскомъ 110, а всего 1549 человекъ, устроено три храма, открыто три самостоятельныхъ прихода, при чемъ во всѣхъ имѣются школы. Жаль, что остаются еще заблудшія овцы, *яже не суть отъ двора сего* (Іоан. X, 16), но станемъ усердно просить Бога и надѣяться, что въ слѣдующее десятилѣтіе и онѣ приведутся въ лоно святой православной церкви.

Орскаго уѣзда села Петропавловскаго единовѣрческій
священникъ **Петръ Самохинъ.**